

СВЕТЛАНА ДРОБЯЩЕНКО

НЕВИННЫЕ
УБИЙЦЫ,
ИЛИ ПОЛЕ
ДЛЯ НАПОЛЕОНА

ЗАПИСКИ ПСИХИАТРА

Светлана Юрьевна Дробященко
Невинные убийцы, или
Поле для Наполеона.
Записки психиатра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972745
ISBN 9785448376528

Аннотация

Автор книги – врач-невролог, психиатр-нарколог. Книга содержит размышления автора на вечные темы – о замысле Создателя, любви и смысле жизни. События, описываемые в книге, основаны на реальных историях из богатой медицинской практики автора.

Содержание

Часть первая.	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Невинные убийцы, или
Поле для Наполеона
Записки психиатра**

**Светлана Юрьевна
Дробященко**

© Светлана Юрьевна Дробященко, 2019

ISBN 978-5-4483-7652-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая.

Невинные убийцы

Глава первая

Цок – цок – цок, – гулко стучат каблучки по мостовой. Выглянуло декабрьское солнышко и согрело озябший мир. Невесть откуда взявшаяся черепаха выползла на середину пешеходной дорожки, вытянула голову на морщинистой шее навстречу солнцу и довольно прищурила глаза...

Ольга Михайловна, молодая доктор – психиатр, на минуту остановившись, тоже подняла глаза к небу. Как странно – начало декабря, а солнце еще греет, она идет по безлюдной территории психиатрической больницы в туфельках и белом врачебном халате.

В эту пору в родном городе Ольги лежит мягкими сугробами белый пушистый снег, с неба тихо падают крупные снежинки с причудливыми формами. Все это великолепие десятикратно усиливается светом вечерних фонарей и душа погружается в сказочный мир грез и фантазий в предвкушении новогодней сказки.

А здесь пожухлая трава покрыта инеем, который тает в лучах декабрьского солнца. Местный климат тоже мало похож

на климат фешенебельных курортов Кипра или Канарских островов – температура опускается гораздо ниже нуля, с моря дует холодный, пронизывающий ветер. И только в редкие дни солнце поднимается высоко над горизонтом и согревает землю.

Вся эта непривычная обстановка, так мало похожая на снежный декабрь в родном городе, вызывает смутную тревогу в душе Ольги, ощущение нереальности происходящего. Она чувствует себя маленькой девочкой Элли, чей домик был унесен в чужую страну по воле злой волшебницы.

Воистину, неисповедимы пути господни. Ольгу неумолимый поток времени поднял и понес в совершенно неожиданном для нее направлении. Время и без того довольно смутное – начало девяностых, развал великого и могучего государства, неразбериха в умах и сердцах, крах экономики, межнациональные конфликты, стремительный отъезд русских из бывших союзных республик. И в это непонятное время Ольга Михайловна Цветкова, девушка с чисто русской внешностью – голубые глаза, русая коса до пояса, переехала из России во вновь образованную независимую южную страну – Республику Казахстан, в город на берегу Каспийского моря.

Причина такого экстравагантного поступка была проста и объяснима – ею двигала чисто женская надежда на хрупкое личное счастье. Так решил ее любимый мужчина, который надеялся организовать свое новое дело именно здесь. Он

считал, что к успеху ведут только нестандартные решения и нельзя думать и поступать так, как большинство. Его девиз был: «креативность – вот путь к успеху!» Ольга мало что понимала в хитросплетениях бизнеса, в родном городе у нее была любимая работа, привычный коллектив, с ней считались коллеги, к ее мнению прислушивались, она достигла определенных успехов в профессии. Ольге совсем не хотелось уезжать из родного города. Здесь были ее родные и друзья. Она была консерватором по натуре, не любила перемен, сложно сходилась с новыми людьми. Но что не сделаешь ради счастья с любимым человеком!

По приезду на новое место Ольга почти на следующий же день нашла работу по специальности в местной психиатрической клинике. Главный врач, казах с русским именем Василий принял ее на работу без всяких бюрократических проволочек – местной прописки и разрешения миграционной службы. К тому же, предложил сказочные условия – поработать в течение месяца в каждом отделении, а затем остаться там, где ей больше понравится. Ольга оказалась единственным русским доктором в этой больнице, постоянно ловила на себе недоумевающие взгляды раскосых карих и черных глаз коренного населения. Все это было не так важно – она отработала в этой больнице несколько месяцев, а сегодня шла в новое для нее отделение – отделение судебной психиатрии, где находились на лечении преступники по решению суда.

Солнце спряталось за тучу, черепаха, немного помедлив, втянула голову в панцирь и поползла в сторону кустов. Ольга Михайловна отвела глаза от декабрьского тревожного неба и застучала каблучками в глубину больничного двора. Там за высоким каменным забором, обнесенным колючей проволокой, располагалось отделение судебной психиатрии. После звонка в дверь открылось смотровое окно, затем дверь распахнулась, охранник на входе проверил документы и впустил Ольгу в маленький дворик перед зданием грязно – серого цвета. Снова звонок в дверь и снова сначала открывается наблюдательное окошко, затем железная дверь. За железной дверью на входе стояли два охранника. Один из охранников вручил Ольге ключи от ординаторской, и они вместе пошли по длинному коридору вглубь здания. По обе стороны коридора располагались палаты по четыре человека каждая. Решетки были не только на окнах палат, как в обычных психиатрических отделениях, но и на дверях. Других дверей, кроме решеток на палатах не было, здесь все – таки содержались преступники, а не обычные психически больные. Пациенты находились под непрерывным круглосуточным наблюдением охранников и медперсонала. И так изо дня в день, из года в год. А многие и вовсе лишены были шанса когда – либо выйти на волю. Здесь срок заключения определялся не тяжестью совершенного преступления, а состоянием психического здоровья преступника. Решающее слово об освобождении было за врачом – психиатром.

Когда они дошли до конца коридора, охранник распахнул перед Ольгой дверь в ординаторскую. Это была небольшая комнатка с решеткой на окне, у стены стояли старый диван, шкаф с книгами и документами. Напротив окна – стол с пухлой папкой историй болезней и тревожной кнопкой для вызова охранников в случае нападения больного на врача. Здесь Ольге Михайловне предстояло работать несколько месяцев – заведующий этого отделения уехал на стажировку за границу. В то время врачебного персонала катастрофически не хватало, в отделениях работали по одному врачу.

Ольга поблагодарила охранника, и когда за ним закрылась дверь, углубилась в изучении медицинских документов.

Глава вторая

Ольга Михайловна взяла в руки первую историю болезни – Максим Маркович Куттыбаев, 28 лет, находится в данном лечебном учреждении полтора года, был переведен из психиатрической больницы для лечения особо опасных преступников, где провел два года. Был приговорен судом к пребыванию в психиатрической больнице особо строгого режима за жестокое убийство собственной матери. На теле шестидесятилетней женщины нашли более двадцати ножевых ран, несколько первых ударов были нанесены прямо в сердце. Сын долго скрывался, его нашли только через полгода, вдали от родного города, грязного, оборванного, сильно исхудавшего и совершенно безумного. Была проведена психиатрическая экспертиза, Максим признан невменяемым. По медицинским документам числился особо опасным, агрессивным, склонным к побегу. Судя по дневниковым записям врачей, с медперсоналом и соседями по палате не общался, сопротивлялся приему лекарств, получал большую дозу нейролептиков. Ольга Михайловна вызвала санитаров и попросила привести Куттыбаева на осмотр. По правилам психиатрической больницы, при осмотре пациент оставался наедине с врачом, а санитары дежурили за дверью. Дверь открылась, и санитары ввели невысокого, тщедушного молодого человека.

– Присаживайся, Максим! – Ольга показала рукой на стул – Рассказывай, как твои дела, как самочувствие, что тебя беспокоит.

Максим молча сел на краешек стула и опустил голову. Он явно не желал разговаривать. Ольга смотрела на него с удивлением – и это жестокий убийца? Жалкий, тщедушный! Максим имел необычную внешность – в нем явно смешались черты нескольких национальностей – раскосые карие глаза, тонкие, почти девичьи черты лица, волнистые каштановые волосы.

– Я правильно поняла, ты не желаешь разговаривать?

Максим медленно поднял глаза на Ольгу Михайловну.

– Вы очень красивая, я таких красивых еще не видел.

– И только это мешает нам с тобой разговаривать?

– Да, то есть нет, не знаю, лучше дайте мне бумагу и ручку и я напишу кое – что важное для нас с вами.

Ольга выполнила просьбу пациента и принялась терпеливо ждать. Прошло более получаса, прежде чем перед ней лег исписанный крупным неровным почерком листок бумаги.

Твоя душа с моей неразделимы.

Ты слышишь, маленькая?

Слушай, это голос Мира говорит!

Как мотыльки порхают по цветам,

Мы полетим с тобой, оставив твердь земную навстречу звездам!

Все будет позже, а сначала

Пройдем земную колыбель...

Я первым улечу.

Ты будешь ждать!

Ольга задумалась, потрясенная диссонансом между глубоким философским смыслом поэтических строчек и безумным видом поэта.

– А чьи это стихи, ты знаешь, кто их автор?

– Они мои.

– Так значит, ты пишешь стихи? А может быть, у тебя есть другие стихи?

– Нет, я сам не пишу стихи, а это стихотворение мне показали по телевизору и я его запомнил.

– А когда это было, кто их читал?

– Это было вчера вечером, я прочитал текст на экране телевизора.

– А ты ничего не путаешь, Максим, ведь у тебя в палате нет телевизора?

– И вы тоже считаете меня ненормальным?

– Ну что ты, Максим, я пока только пытаюсь разобраться. Скажи мне, почему ты здесь находишься?

– Я убил свою маму.

– За что ты ее убил, что плохого она тебе сделала?

– У мамы сделались красные глаза, и я убил ее ножом.

– Тебе не кажется, что это недостаточная причина для убийства близкого человека?

– Я вам больше ничего не скажу, я и так потратил на разговоры много времени, а сейчас отпустите меня к себе!

– Хорошо, Максим, сейчас я вызову санитаров.

– Нет, не надо! Я очень люблю свою маму, я хочу, чтобы она была счастлива! Это самый близкий для меня человек!

– Ты осознаешь, что твоей матери больше нет в живых?

– Неправда, моя мамочка жива, она часто ко мне приходит, мы с ней разговариваем, она меня обнимает и поет мне колыбельные песни поруски и показакски...

– Максим, сколько тебе сейчас лет?

– Не знаю, моя мама мне об этом не говорила.

Итак, заключила про себя Ольга Михайловна, налицо явная разорванность мышления. Диагноз – шизофрения, прогрессирующее течение. Но вот этот странный эпизод с телевизором и стихами! Интересно, что это? Галлюцинации или обманы памяти? Ольге не давал покоя глубокий философский смысл поэтических строк безумного автора. Она еще раз внимательно посмотрела на больного – Максим сидел на стуле безучастный, лицо ничего не выражало, было похоже на застывшую маску, от него исходил какой – то специфический запах, присущий всем психически больным. Ольга подошла к Максиму, чтобы проверить рефлексы – согнула его руку в локте и с большим трудом смогла разогнуть. Налицо явные признаки передозировки нейролептиков. Многие психиатры считают, что лекарства от шизофрении разрушают головной мозг быстрее, чем сама болезнь. Ольга Михай-

ловна распорядилась, чтобы санитары отвели Максима Куттыбаева в палату. Затем пригласила дежурную медсестру.

– Рауза Сулейменовна, заполните новый лист назначений на больного Куттыбаева, я уменьшила ему дозу нейролептиков.

Медсестра вся побагровела от возмущения.

– Да вы, доктор, понимаете, что делаете?! Это же особо опасный агрессивный больной! Я отказываюсь с вами работать! Я на вас докладную напишу главному врачу!

– Рауза, не забывайте о субординации – ваша прямая обязанность выполнять назначения врача. А я в первую очередь отвечаю за лечение пациента и все, что происходит в отделении.

Медсестра молча развернулась и вышла из ординаторской, громко хлопнув дверью.

Ольга Михайловна была неприятно удивлена подобным поведением. Но по своему опыту знала, что в психиатрических отделениях наряду со сложными больными бывает и сложный персонал, сказывается быстрое эмоциональное выгорание. Немного успокоившись, она вернулась к изучению истории болезни Максима Куттыбаева. Ей хотелось понять, что происходит в сознании молодого человека, совершившего столь ужасное преступление.

Максим Куттыбаев родился в небольшом городке под Челябинском. Мать Максима была русской, отец – наполовину казах, наполовину немец. При рождении Максима мать бы-

ла поздней родящей по медицинским меркам – 35 лет. Когда Максиму исполнилось два года, семья переехала в Казахстан. Вскоре отец ушел из семьи, и мать воспитывала сына одна. В детстве Максим рос и развивался наравне со сверстниками, рос тихим, спокойным ребенком. В школу пошел в семь лет, хорошо учился в начальной школе, в старших классах стали появляться тройки. Общался избирательно, друзей было мало, большую часть времени проводил дома за телевизором и чтением книг. Когда Максим окончил школу, мать заболела – развилось заболевание почек с исходом в почечную недостаточность. В армии Максим не служил в связи с болезнью матери. Учиться дальше не пошел, так как нужно было зарабатывать деньги. Устроился работать на местный химзавод. Не женился, отношения с девушками не складывались. Сведения о жизни Максима были собраны со слов двоюродной сестры матери, которая в настоящее время живет в Красноярске. Более подробной информации женщина сообщить не могла, о конфликтах Максима с матерью тетке ничего не было известно. Был ли болен Максим до совершения преступления, она тоже не знала. Других родственников у Максима не было, его отец давно исчез из поля зрения бывшей семьи. За все время пребывания в психиатрической клинике Максима никто не посещал. Скучные данные, сообщенные теткой, не внесли ясность в картину развития заболевания, не помогли понять, что же послужило причиной столь ужасного преступления. Сам Максим то-

же не в состоянии ничего объяснить. В чем причина? Как пропустили начало заболевания? Может быть преступление совершено в состоянии аффекта, а затем психика не выдержала всего ужаса содеянного? Или же психоз развился внезапно, на фоне полного благополучия? Шизофрения – одно из самых загадочных заболеваний человека и причины ее до сих пор не ясны. Существует множество теорий ее возникновения – вирусная, наследственная, теория нарушения обменных процессов в тканях головного мозга. Но ни одна из них не является окончательной. Многие ученые говорят о роли стресса в провокации этого заболевания. Шизофрения многолика и многогранна. Сначала мозговой компьютер начинает работать с утроенной силой – больные испытывают наплывы мыслей, что – то изобретают, начинают общаться с инопланетными цивилизациями и тонкими мирами, ощущают себя великими историческими личностями. Иными словами, видят и воспринимают то, что не доступно здоровому человеку. Иногда обретают способность читать чужие мысли и предсказывать будущее. Порой становятся опасными, когда защищаются от невидимых преследователей, и в этом состоянии часто совершают тяжелые преступления. А затем головной мозг, не вынеся непосильного напряжения, перегорает, словно лампа накаливания. Разрушается интеллект, память, воля, эмоции. Человек превращается в ничто. И протекает это заболевание у всех по-разному – кто – то погибает после первого приступа болезни, а кто –

то всю жизнь живет и работает с этим заболеванием. Ольга Михайловна вспомнила своего первого пациента, которого представляла на заседании студенческого кружка на кафедре психиатрии. Подросток 14 лет, школьник из далекой глубинки, троечник, за всю свою жизнь не прочитавший не одной книги, кроме школьных учебников, объявил, что разгадал закон строения Вселенной. Он выходил к доске с мелом в руке и с важным видом, как настоящий ученый, доказывал, что наша Вселенная устроена по принципу Матрешки. Тогда никто и не усомнился в диагнозе, все сочли высказываемые подростком мысли бредом больного шизофренией.

Ольга в школьные и студенческие годы увлекалась астрономией, но о подобной теории ничего не слышала. Только через десять лет она увидела по телевизору передачу, где американские астрономы говорили о вероятном включении одной звездной системы в другую по принципу матрешки...

Человеческому мозгу недоступны некоторые понятия, наши знания о мире ограничены. Может быть, Создатель специально установил в наш мозг некие фильтры, чтобы уберечь его от преждевременного сгорания? А у некоторых людей, в силу разных причин, эти фильтры разрушаются, и в их мозг поступает поток информации, недоступной здоровым людям? А затем мозговой компьютер этих людей перегорает от непосильной нагрузки.

Ольга Михайловна отложила в сторону историю болезни Максима Куттыбаева. Ей еще предстоял обход отделения

и проверка остальных историй болезни.

Закончился рабочий день. Больничный автобус собрал сотрудников и развез их по домам.

На следующее утро на врачебной линейке дежурный врач доложил, что больной отделения судебной психиатрии Куттыбаев вечером пытался покончить с собой, а когда медперсонал предотвратил попытку самоубийства, набросился на дежурную медсестру и начал душить. Охранникам с трудом удалось его скрутить, больной был помещен в карцер с индивидуальным наблюдательным постом. Психомоторное возбуждение купировано назначением нейролептиков.

После линейки главный врач Василий Курганалиевич предложил Ольге остаться.

– Ольга Михайловна, мы с уважением относимся к специалистам из России, мы знаем, что у вас есть опыт работы в отделениях общего психиатрического профиля. Но отделение судебной психиатрии особенное. И поверьте мне, заведующий этим отделением Айбулат Иркенович, обязанности которого вы сейчас исполняете, очень опытный специалист. Он защитил диссертацию по судебной психиатрии, около двадцати лет руководит этим отделением. Перед своим отъездом в командировку он пересмотрел назначения всех своих пациентов. И поэтому у меня просьба – когда возникнет необходимость в смене лечения, приглашайте меня для консультации. Я вас прекрасно понимаю, Максим Куттыбаев при первом взгляде на него вызывает жалость. Но имей-

те в виду, что он преступник, и тем более, психически больной преступник. Пока его мозг способен генерировать хоть какие – то мысли, большая вероятность того, что это будут мысли об убийстве. Мы можем быть спокойны только тогда, когда его психика будет полностью разрушена, и он превратиться в овощ. Тогда он будет безопасен. Да, бесполезен для общества, но безопасен.

Мне не хотелось вас расстраивать, но дежурная медсестра Рауза написала на вас докладную по поводу вашего неуважительного отношения к медперсоналу. Рауза несколько вздорная особа, но сотрудник опытный, исполнительный, как впрочем, и весь персонал отделения. Настоятельно рекомендую вам в ближайшее время наладить контакт с коллективом отделения. И последнее. Ольга Михайловна, вы нарушили служебную инструкцию, согласно которой вся продукция больных – письма, записки, стихи, рисунки, должна быть подшита в историю болезни. А вы убрали в свой стол стихи, которые написал Куттыбаев. Вы, как врач психиатр, должны были разглядеть в этих стихах мысли о расширенном самоубийстве – уйти из жизни самому и увести за собой некую женщину. Если вы осматривали больного, то должны были обратить внимание на многочисленные шрамы слева вдоль ребер. Криминалисты считают, прежде, чем убить мать, Куттыбаев пытался покончить с собой. И даже сейчас, на фоне развивающегося слабоумия, мысль о расширенном самоубийстве остается для него актуальной. Отсюда и эти доста-

точно яркие и необычные для распадающегося мозга поэтические строчки. Его заболевание прогрессирует. Скорее всего, он никогда не покинет этих стен. Когда его психика полностью распадется, мы переведем его в интернат для психохроников. Это все, что я хотел вам сказать, Ольга Михайловна. Идите работать. И успехов вам.

Ольга поднялась со стула обескураженная. Она не привыкла к поражениям.

– Большое спасибо за урок, Василий Курганалиевич. Обещаю больше не совершать подобных ошибок.

Выйдя из кабинета главного врача, Ольга приняла решение самой разобраться со случаем Максима Куттыбаева. И что за привычка у коллег находить удобные объяснения тому, что они не могут знать наверняка? Обычная практика – поставить диагноз шизофрении в любом непонятном случае, и дальше можно не ломать голову!

В отделении в этот день дежурил молоденький медбрат. Ольга Михайловна попросила его пригласить в ординаторскую Максима Куттыбаева.

– Мы не приглашаем на беседу с врачами больных из карцера. И еще, ему назначена большая доза нейролептиков по распоряжению главного врача, он спит большую часть суток и не в состоянии передвигаться. Вы знаете, я работаю в этом отделении только год. Я пришел сюда сразу после медицинского училища, хотя раньше главный врач брал в это отделение специалистов со стажем не менее пяти лет. Мне

говорили, что многие медсестры отказались работать в отделении из – за Куттыбаева. Он часто нападал на медсестер, наносил травмы, а однажды выломал прутья решетки и смертельно ранил охранника. Айбулат Иркенович уже при мне несколько раз пытался снизить Куттыбаеву дозу психотропных препаратов, но тот сразу начинал буйствовать. Мы очень удивились, что Куттыбаев с вами спокойно пообщался, да еще написал стихи. От него уже давно не слышали членораздельную речь. Оставьте его в покое, от греха подальше, хотя бы на время! Вам сегодня в первую очередь нужно посмотреть больного Генкина и оформить на него документы. У него через день состоится суд для решения вопроса о его дальнейшем пребывании в нашем отделении.

Глава третья

Генкин Евгений Олегович, 40 лет, работал начальником цеха химзавода. Решением суда был приговорен к пребыванию в отделении судебной психиатрии за убийство Кучина Анатолия Борисовича, работника автосервиса. Двое санитаров привели пациента в ординаторскую. Это был высокий, крепкого телосложения мужчина, выглядевший несколько утомленным. В его серых глазах нельзя было не заметить отпечаток интеллекта.

– Как вы себя чувствуете, Евгений Олегович? – спросила Ольга Михайловна.

Он, усмехнувшись, ответил:

– Хорошо, насколько человек может себя чувствовать в подобном заведении. Читаю книги, размышляю над смыслом жизни. Иногда меня привлекают к работам по уборке территории. Несколько раз в год мне разрешали свидания с мамой и сестрой. Пью таблетки. Чувствую себя совершенно здоровым человеком. Только иногда бывают странные состояния – как будто бы душа на секунды отрывается от тела и парит куда-то в неизвестном направлении, а затем вновь возвращается в тело. После ее возвращения я каждый раз пугаюсь, не могу понять, как я здесь оказался – незнакомая обстановка, незнакомые люди. Но уже через несколько секунд ко мне возвращается сознание, и я начинаю понимать,

где нахожусь.

– Евгений Олегович, вы можете рассказать, почему сюда попали?

– Рассказать могу, хотя до сих пор не понимаю, как со мной такое могло произойти. Это кошмарное событие разделило мою жизнь на до и после. До него – вполне благополучное детство в подмосковном городе, интеллигентные родители, дружная семья. Единственной проблемой в семье было врожденное заболевание младшей сестры – детский церебральный паралич. Родители постоянно возили ее по столичным светилам. В конце концов, она начала самостоятельно ходить. Окончила среднюю школу, затем финансовый колледж. Я тоже очень успешно окончил школу с математическим уклоном, затем МГУ с красным дипломом. Была возможность поступить в аспирантуру. Женился на первой красавице университета. Она окончила факультет иностранных языков. Неожиданно поступило предложение переехать в город Шевченко. Мне предложили должность заместителя начальника цеха на химзаводе и трехкомнатную квартиру на берегу моря. Мы с женой сразу же согласились, так как оба были из небольших городков, а перспективы получить жилье в Москве у нас не было. Жене предложили работу переводчика на том же заводе. Все складывалось как нельзя лучше – интересная работа, очень хорошая по тем временам зарплата. Вскоре родились дочки – близняшки, красавицы и умницы. Жизнь удалась. Затем перевез в этот город сестру

и маму, поближе к морю и солнышку. Однажды сосед Толик предложил пригнать для меня японскую иномарку с Дальнего Востока. Цену запросил вполне приемлемую, и я с радостью согласился – и мне хорошо, и Толику – у него ожидалось прибавление в семействе.

Этот роковой день был в начале августа. Жена уехала с дочками на отдых к матери в Краснодарский край. Мы с Толиком оформили сделку купли—продажи и решили отметить это знаменательное событие. Купили армянский коньяк, кое-какую закуску и отправились ко мне домой. Настроение было прекрасное, мы неспешно потягивали коньяк и вели обычные для мужиков разговоры – о работе, о политике, о женщинах. Дальше – полный провал, темнота. На следующее утро я проснулся от громкого стука в дверь. Оказалось, было уже 11 часов утра, я должен быть на работе, мне неоднократно звонили утром с работы, но я не слышал телефона. Жена Толика тоже неоднократно звонила и стучала в двери, потом, отчаявшись, пошла спать. Я встал, пошел открывать, и только сейчас заметил, что мои руки в чем-то липком. За дверями стояли два моих сослуживца и жена Толика Марина. Увидев меня, Марина страшно закричала и упала в обморок – она первой поняла, что произошло. Мои руки были по локоть в крови, кровь была на рубашке и джинсах. На кухне лежал Толик, убитый ударом кухонного ножа в шею, на полу лужа крови, кровь была на шторах и стенах. На столе стояла наполовину выпитая бутылка ко-

ньяка. Охвативший меня ужас невозможно было описать. Я не помнил, что случилось в этот вечер. На нас кто-то напал, Толик убит, а я, может быть, ранен? Страшно болела голова, я с трудом понимал происходящее. Приехала «скорая» и милиция. Марину отвезли в больницу, тело Толика – в морг, меня – на допрос к следователю. На нас никто не напал, входная дверь в мою квартиру оказалась нетронутой. Это я убил Толика. Мой мозг отказывался в это поверить. Мы всегда были добрыми соседями, между нами не было разногласий, я был благодарен ему за оказанную услугу. Когда мы пошли отмечать покупку машины, оба были в отличном настроении. Что могло между нами произойти? Я ничего не помнил. Доза выпитого была совершенно ничтожной – ну что такое двести грамм коньяка для двоих здоровых и крепких мужиков при хорошей закуске? Алкоголем я никогда не злоупотреблял, мог выпить в хорошей компании, потери памяти никогда не отмечалось. Беседа со следователем – вещь весьма неприятная. Следователи менялись во время допроса, на меня орали, угрожали, несколько раз ударили по лицу. Требовали назвать причину, по которой я убил Толика. Несколько месяцев я провел в следственном изоляторе. Позднее мой адвокат настоял на проведении судебно – психиатрической экспертизы. Я был признан невменяемым на момент совершения преступления. Установили, что убийство соседа было совершено мной в состоянии патологического опьянения. Причиной патологического опья-

нения явилась скрыто протекающая у меня эпилепсия, которая проявлялась кратковременными приступами помутнения сознания. Я провел в психиатрической больнице три года. Есть вероятность, что вскоре меня выпишут из закрытого психиатрического отделения и переведут на амбулаторное лечение. Все равно жизнь безнадежно разрушена. Я психически больной человек, не смогу работать ни руководителем, ни рядовым инженером, меня даже рабочим на завод не возьмут. Мой удел – дворник или вахтер. Жена развелась со мной, продала квартиру, увезла дочек, вышла снова замуж. Сейчас бывшая семья живет в Ростове. В городе есть мама и сестра – инвалид, они готовы меня принять. Мать на свиданиях со мной все время плачет, сестра держится мужественно, она сама натерпелась от своей болезни. И потом, как жить с сознанием того, что убил человека? Пусть неосознанно, но убил? Его жена была на седьмом месяце беременности, его сын родился преждевременно в день смерти отца. Как мне жить в этом городе, как смотреть людям в глаза?

Ольга Михайловна глубоко задумалась.

– Да, жизнь посылает нам порой суровые испытания. Но вы должны жить, вы нужны своим близким, своим дочерям, вы можете помогать сыну Марины.

– Сомневаюсь, что Марина сможет принять от меня помощь, а от жены за все это время ни письма, ни весточки, – вздохнул Евгений Олегович.

– Мы должны надеяться на лучшее и уповать на Бога, –

сказала Ольга Михайловна.

После разговора она отпустила пациента в палату. Когда охранники его увели, Ольга Михайловна села за заполнение документации. Пролистала историю болезни – судя по дневниковым записям, пациент вел себя адекватно, жалоб не предъявлял, с медперсоналом и охранниками был вежлив, в конфликты не вступал, с соседями по палате держался ровно, бредовых идей не высказывал, странности в поведении не отмечались. При проведении электроэнцефалограммы с провокацией в виде фотовспышек зарегистрирован очаг эпилептической активности в правой височной доле головного мозга. При проведении психологического обследования пациента обнаружен смешанный тип личности с преобладанием возбудимых черт, не достигающий уровня психопатии. В интеллектуальной сфере грубых нарушений не выявлено, память, внимание сохранены. Волевые процессы существенно не нарушены. Данная личность способна к рациональному разрешению конфликтной ситуации. Пациенту присущи лидерские качества, способность к контролю и программированию ситуации.

В целом, вполне психически здоровая личность. Если бы не это небольшое отклонение – очаг эпилептической активности. Этот-то злополучный очаг под действием ничтожного количества алкоголя превратил вполне мирного и дружелюбно настроенного человека в жестокого убийцу. Завтра состоится заседание судебно – психиатрической комиссии по по-

воду дальнейшей судьбы Евгения Генкина. Скорее всего, комиссия предоставит в суд заключение о возможности перевода пациента на лечение и дальнейшее наблюдение участкового психиатра.

Глава четвертая

Прошло несколько недель работы в отделении судебно-психиатрической экспертизы.

Отделение было разделено на две части. В одной, рассчитанной на 30 коек, находились психически больные люди по решению суда, совершившие тяжкие преступления. Вторая часть состояла из двух диагностических палат, в которых проходили обследование преступники на предмет установления вменяемости в отношении совершенного преступления. Вскоре Ольга Михайловна изучила истории болезни и познакомилась со всеми пациентами своего отделения. Это были психически больные люди, приговоренные судом к принудительному лечению за совершение тяжких преступлений. Действия этих людей ужасали своей жестокостью и бессмысленностью. Диагнозы были различными – шизофрения, эпилепсия, алкоголизм, маниакально-депрессивный психоз, олигофрения, последствия черепно-мозговых травм. Ольга с головой погрузилась в работу. Психиатрия была ее стихией, она ей увлеклась еще на первых курсах института. Работа была нелегкой, отношения с медперсоналом не очень просты. Ольга не жалела для этой работы ни сил, ни времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.